

ЛЮДИ, СОБЫТИЯ, ФАКТЫ. О возвращении прусской провинции Фридриху II в 1762 году

Автор: Г. В. Кретинин

Кретинин Геннадий Викторович - доктор исторических наук, профессор Калининградского государственного университета.

Во время Семилетней войны 1756 - 1763 гг. Кенигсберг и близлежащие к нему порты Пиллау и Мемель являлись базой тылового обеспечения боевых действий русской армии. Здесь завершали формирование запасных батальонов, сюда из России морем, по Неману и по суше подвозили запасы амуниции, вооружения, боеприпасов, складировали провиант и фураж.

Однако Кенигсберг находился относительно далеко от театра военных действий, что затрудняло снабжение армии. В 1761 г. русское командование приложило значительные усилия для овладения крепостью Кольберг. Взятие ее обеспечивало русским господство во всей прусской Померании, делало возможным перемещение в Кольберг основных снабженческих центров, и русская армия, тем самым, получала значительно более выгодные условия для ведения войны на Одере. Как известно, войска генерала П. А. Румянцева в декабре 1761 г. овладели крепостью Кольберг¹. Для Пруссии складывалась безысходная ситуация, все шло к ее поражению в войне. Однако смерть российской императрицы Елизаветы Петровны, последовавшая 25 декабря 1761 г.², изменила и ход войны, и ее исход.

Петр III, взошедший на российский престол, в буквальном смысле оказался спасителем прусского короля Фридриха II, уже помышлявшего об отречении от власти. В течение первых трех месяцев 1762 г. ситуация на политическом и военном фронтах изменилась радикально. Россия и Пруссия объявили вначале сепаратное перемирие, а затем, 24 апреля 1762г., подписали двусторонний мирный договор.

В соответствии со статьей 6 мирного договора, российский император брал на себя обязательство "возвратить его величеству королю прусскому все области, земли, города, места и крепости, его прусскому величеству принадлежащие, кои в течение сей войны заняты были российским оружием..."³. Другими словами, Фридриху II необходимо было вернуть только что завоеванную русскими войсками Померанию и провинцию Пруссия с центром Кенигсберг, которой Россия владела с января 1758 года.

И если с Померанией особых вопросов не возникало, так как это была прифронтовая зона, из которой достаточно было просто вывести войска, то с провинцией Пруссия все было неизмеримо сложнее. И не только в военном отношении. Для российского истеблишмента Кенигсберг становился все более российским городом. Присоединение к России иноязычного края не было прецедентом. За полвека до этого к России отошли Лифляндия и Эстляндия со значительной долей немецкого населения. Появление в составе России еще одной подобной губернии никого не

должно было удивить. Тем более, что российское освоение провинции Пруссия началось сразу же с момента ее оккупации. Население было приведено к присяге на верность российской императрице, была создана структура российской губернской власти (в основе которой лежало немецкое провинциальное управление), в провинции стала разворачиваться российская купеческая торговля, в местном университете появились русские студенты. Так как в провинции оказалось значительное количество русских людей, Синод принял решение об учреждении православных церквей (в Кенигсберге, Пиллау и Мемеле), в Кенигсберге был выделен участок под русское православное кладбище ⁴.

"Мы твердо стояли в Восточной Пруссии; древняя столица ея, Кенигсберг, обращена была в русский губернский город, - русское общество беззаботно в нем веселилось, и русские генерал-губернаторы мирно правили всеми завоеванными областями. В Кенигсберг явилась русская духовная миссия с архимандритом во главе; чеканилась русская монета и, наконец, все жители покоренной страны приведены были к присяге на подданство российской императрицы" - таково краткое резюме той ситуации, которая сложилась в Кенигсберге в то время и влияние которой ощущалось в русском обществе спустя сотню лет после описываемых событий ⁵.

Поэтому, когда стало известно, что провинцию Пруссия надо будет вернуть Фридриху, перед российской администрацией в Кенигсберге встали различные проблемы: и военные, и религиозные, и гражданские и ряд других. Непосредственно организацией передачи провинции под прусское правление занимались российские губернаторы П. И. Панин и Ф. М. Воейков. Панин, боевой генерал, был назначен губернатором Пруссии в начале января 1762 года. Петр III произвел изменения и в руководстве армии: ее главнокомандующим вновь стал П. С. Салтыков ⁶. Губернатор Пруссии находился в подчинении у главнокомандующего армией.

Впрочем, Салтыков в административную деятельность губернатора практически не вмешивался. Поэтому Панину приходилось действовать самостоятельно, причем в условиях неопределенности. Только 20 мая Панин получает известие о мире и о возложенных на него обязанностях по "передаче королевства прусакам". Он обращается к императору с просьбой разъяснить некоторые "пункты" из возложенных на него обязанностей.

Вопросов было много. Например, что делать с артиллерией, боеприпасами, вооружением, запасы которых находились в тот момент в провинции (в трактате говорилось о передаче только городов, земель, крепостей). В казне имелись наличные. В Кенигсберге выпускалась российская монета - на монетном дворе находилась 1 тыс. пудов меди (продажная цена 10 руб. за пуд), кроме того, имелись запасы муки, соли, овса, ячменя. Губернатор требовал указания, что делать с ранеными, куда отправить русские церкви и их утварь ⁷.

6 июня Панин сообщает Салтыкову, что получил копии указа и "сепаратных артикулов" из Петербурга. Особое внимание Панина привлекли две статьи: "Но как в 5 артикуле тако: сей мир имеют немедленно по размене ратификации публикован

быть, а в 8 размена ратификаций учинится в Санкт-Петербурге во время шести недель считая со дня подписания". Таким образом, срок публикации - 5 июня - уже миновал, а в полученных документах разрешения на публикацию не было. Исполнительный губернатор запрашивал у главнокомандующего дальнейших указаний.

Обращение по подчиненности ничего не прояснило. На его запрос от 6 июня главнокомандующий русской армией П. С. Салтыков ответил: "Копию о мире имею только для известия". Между тем, 11 июня главнокомандующий сообщает в Кенигсберг, что вместо Панина назначен новый губернатор Ф. М. Воейков. Ему надо было не только передать дела, но и объяснить ситуацию с передачей провинции прусскому королю. Панину же предстояло убыть в Померанию, где генерал П. А. Румянцев начал подготовку к войне России с Данией из-за Голштинии.

В ответном рапорте Салтыкову от 16 июня Панин докладывает, что "господин генерал-поручик Воейков вчера сюда прибыл и передал ордер, по которому в смену с ним на оставшиеся к возвращению сего королевства девять только дней вступил". Однако подробно ввести Воейкова в курс того, что предстоит сделать новому губернатору, Панин не мог. Публикации о мире по-прежнему не было: "...на принесенные от меня как к высочайшему докладу, так и к резолюции вашего сиятельства пункты, я еще резолюции и наставления ниоткуда не имею" ⁸. Таким образом, Воейков вступал в руководство провинцией в очень сложных условиях.

стр. 140

Правда, он рассчитывал на то, что править ему предстоит только 9 дней. Но как оказалось впоследствии, расчет был неверен. Панин же, по возможности, стремился ввести своего преемника в курс дел и подписал рапорт о сдаче должности только 27 июня.

Последние дни правления Панина осложнялись тем, что по времени они совпали со сроками передачи власти в Пруссии королевским представителям. Они уже находились в Кенигсберге. Собственно говоря, президент Гумбинненской каморы Домгард и не выезжал из провинции весь период пребывания здесь русских. Он даже сотрудничал с ними. Домгард и возглавил прусских чиновников, стремившихся взять власть в свои руки. 23 июня (4 июля) он обратился к губернатору с достаточно бесцеремонными требованиями о быстрейшей передаче власти в провинции. Прежде всего, он обратил внимание губернатора на то, что "с завтрашнего дня" провинция уже должна быть в ведении короля. И "Чтоб завтра поутру Фридрихсбургская крепость прусскому коменданту... была отдана", чтобы русские караулы на городских воротах были заменены прусскими, чтобы было отдано распоряжение о передаче крепостей Пиллау и Мемель.

В ответ Панин составил достаточно сдержанную промеморию, где согласился с возвращением в учреждения прусских чиновников, но передачу крепостей отложил до появления особого распоряжения от своего начальника.

20 июня в Петербурге был подготовлен ответ Петра III на вопросы Панина о судьбе материальных ценностей, вооружения, провианта, других запасов, находившихся в ведении российских властей. Под пунктом 13 в нем наконец-то сообщалось, что "о заключении между нами и его величеством королем прусским вечного мира всевысочайше повелеваем в сем королевстве публиковать вам обнаружением мирного трактата и чрез то жителей того королевства всякого чина... от учиненной... нам поданической присяги свободными объявить" ⁹. Сообщение поступило в Кенигсберг 26 июня, то есть уже после срока передачи провинции прусскому королю и накануне сдачи должности Паниным. Объявлять о мире предстояло уже Воейкову.

Первый же день исполнения новой должности формально должен был стать для Воейкова и последним. 27 июня новый российский губернатор публикует два документа: уведомление о мире и освобождение от присяги российской императрице прусского населения ¹⁰. Интересно, что во втором документе Воейков постфактум сообщает, что "его величество король Пруссии с 24 июня (5 июля) вновь вступит в полное владение королевством". Таким образом, Воейков оставался губернатором как бы без губернаторства. Но так только казалось. Пока Воейков мог опираться на русские армейские подразделения, реальная власть находилась в его руках. Но передача ее началась, и после выхода в свет названных документов, в провинции образовалось двоевластие. Постепенно прибывавшие в Кенигсберг прусские чиновники приступали к исполнению своих обязанностей. В городе начались празднества по поводу возвращения провинции королю.

Однако опять события в России кардинальным образом изменили ситуацию в провинции Пруссия. 28 июня в результате дворцового переворота на российский престол взошла Екатерина II. Сразу же в действующую армию был направлен курьер с указом новой императрицы. Но только 5 июля Воейков получит от Салтыкова сообщение о событиях в Петербурге. Хотя для него это уже не было новостью. Курьер Коромышев, следовавший к Салтыкову в Мариенвердер через Кенигсберг, на словах поделился новостями с Воейковым ¹¹.

Несмотря на то, что и Салтыков, и Воейков были назначены на свои должности Петром III, возвращение прусской провинции Фридриху II они явно не приветствовали. Так, Воейков, еще не имея какого-либо официального распоряжения, основываясь только на устных рассказах Коромышева, пришел к выводу, что политика Петра III будет изменена. В том числе и по отношению к прусской провинции: Пруссия останется подвластной России. Однако с каждым часом ситуация продолжала меняться в пользу прусских королевских властей и Воейков решил действовать.

Под различными предлогами он возвращает во Фридрихсбургскую крепость российских солдат, увеличивает численность русских караулов, солдатам выдают боеприпасы. Комендантам Пиллау, Мемеля, Тильзита отправляются секретные указания: провести аналогичные действия в городах и крепостях, находящихся в их ведении. Учитывая, что своих сил в случае неподчинения пруссаков может не

хватить, Воейков отдает срочное распоряжение войскам, расквартированным недалеко от Кенигсберга, срочно прибыть с вооружением и боеприпасами к городу, но в город не входить до особого распоряжения ¹² .

Салтыков, получив указ императрицы, особое внимание обратил на слова в нем: "Слава российская, возведенная на высокую степень своим победоносным оружием, заключением нового мира с самым ее злодеем отдана уже действительно в совершенное порабощение" ¹³ . Следуя этим словам, он отдает указание Воейкову: "...все то в действие потребить, что к повиновению его ("королевства прусского". - Г. К.) жителей к ныне благополучно государствующей всемилостивейшей нашей императрицы и государыне служить может, а особливо имеет нимало немедля во всем королевстве правление онаго обще с доходами российскими чинами и прежние посты российскими воинскими людьми занять, а буде чего к тому и к тамошней безопасности недоставать станет, тот час мне отрапортовать, дабы я мог, сколько потребно, отсюда туда detaшировать (оказать помощь войсками. От слова "деташемент" - отряд. - Г. К.)" ¹⁴ .

Однако Воейков справился самостоятельно. Хотя сложности были. Достаточно сказать, что ему пришлось прерывать праздничные мероприятия, проводившиеся в Кенигсберге и провинции по поводу возвращения провинции в подданство королю Пруссии, отстранять от власти прусских чиновников, останавливать набор рекрутов и запрещать отправку уже сформированных команд, с лошадьми и имуществом, в действующую прусскую армию.

Основанием для таких мер послужила публикация нового заявления российского губернатора, которым "аннулировалось" сообщение от 27 июня. Заявление было подписано 5 июля и оказалось достаточно жестким по содержанию: "...всем жителям этой земли, какого бы сословия и звания они не были, разъясняется, что те, во избежание жесточайшего наказания, должны снова вернуться к той верности и тому послушанию, которые они до последнего преобразования обязаны были оказывать Российской империи... Каждый, кому дорого его собственное благополучие, покорнейше должен следовать указу" ¹⁵ .

Но, как оказалось впоследствии, Салтыков и Воейков не смогли правильно оценить ситуацию, сложившуюся в это время в Петербурге. Дело в том, что Екатерина II своим манифестом при восшествии на престол стремилась, прежде всего, успокоить русское общество, недовольное миром с Пруссией. Ни Салтыков, ни Воейков не могли знать тогда, что одновременно с ними генерал Чернышев, командовавший корпусом, выделенным Фридриху II еще Петром III, должен был объявить прусскому королю, что "мы заключенный мир с его величеством продолжать будем свято и нерушимо" ¹⁶ . Поэтому действия Воейкова и Салтыкова в Пруссии вызвали естественное недовольство мирного населения. Появились жалобы, протесты. 11 июля 1762 г. на Вислу был отправлен специальный курьер с повелением "исправить свою поспешность" и "все королевство Прусское от занятия освободить" ¹⁷ .

В свою очередь, главнокомандующий предписывает Воейкову собрать у себя прусских чиновников и объявить им, что предпринятые им меры были вызваны незнанием обстановки, сложившейся в российской столице. После того, как ситуация прояснилась, они могут приступить к исполнению своих должностей. Переписка

Салтыкова с Воейковым показывает, что противоречивые установки российской императрицы по поводу судьбы Пруссии все-таки сильно запутали положение в провинции, где российская власть поддерживалась только угрозой применения оружия, а фактически все большие полномочия получали прусские чиновники.

Наконец, последний российский губернатор Пруссии получил ордер Салтыкова от 25 июля 1762 г., которым предписывалось сообщить об окончательном решении по передаче провинции, отныне в дела внутренние не вмешиваться, разрешить занимать прусским гарнизонам крепости¹⁸. Воейков был вынужден за короткий срок в третий раз обращаться к населению провинции, дезавуируя свое сообщение от 5 (16) июля: "...отменить для жителей этой страны... вновь возложенные на них обязанности и передать это королевство к свободному распоряжению его величества короля Пруссии"¹⁹. Обращение было опубликовано 26 июля (6 августа) 1762г. Этот день и принято считать днем возвращения провинции Пруссия под власть короля Фридриха II²⁰.

стр. 142

Примечания

1. КОРОБКОВ Н. М. Семилетняя война (1756 - 1762). М. 1940, с. 314.
2. Даты приводятся по старому стилю. В необходимых случаях, когда используется новый стиль, делается оговорка.
3. МАРТЕН С Ф. Собрание трактатов и конвенций, заключенных Россией с иностранными державами. СПб. 1880, т. 5, с. 367 - 378.
4. Более подробно о жизни россиян в Пруссии в тот период см.: А. Т. Болотов в Кенигсберге: Из записок А. Т. Болотова, написанных самим им для своих потомков. Калининград. 1999; КОСТЯШОВ Ю. В., КРЕТИНИН Г. В. Петровское начало: Кенигсбергский университет и российское просвещение в XVIII в. Калининград. 1999; КРЕТИНИН Г. В. Под российской короной, или Русские в Кенигсберге. 1758 - 1762. Калининград. 1996.
5. Присоединение Пруссии к России. Листки из записной книжки "Русской старины". - Русская старина. СПб, 1873, т. VII, с. 705.
6. Российский государственный архив древних актов (РГАДА), ф. 25, оп. 1, д. 431, л. I, 2, 5; СОЛОВЬЕВ С. М. История России с древнейших времен. М. 1965, кн. 13 (Т. 25), с. 74; КОРОБКОВ Н. М. Ук. соч., с. 325.
7. РГАДА, ф. 25, оп. 1, д. 529, л. 9, 10, 17.
8. Там же, л. 70 - 71, 72, 73, 74.

9. Там же, д. 438, л. 26; д. 529, л. 94, 87.
10. Staatsarchiv Königsberg (GStA PK). XX. HA EM. Abt. 52,2 KK. Nr. 17, 19.
11. РГАДА - Там же, д. 529, л. 21.
12. Там же, л. 4 - 6, 9, 13, 17 - 19, 21.
13. Цит. по: БИЛЬБАСОВ В. А. Исторические монографии. СПб. 1901, т. 5, с. 333.
14. РГАДА - Там же, л. 1.
15. GStA PK. XX. HA EM. Abt. 52,2 KK. Nr. 13.
16. Цит. по: БИЛЬБАСОВ В. А. Ук. соч., с. 333.
17. Впрочем, действия Екатерины и здесь были непоследовательны, ибо тот же курьер привез личное письмо императрицы Салтыкову, в котором она сообщает: "Однако ж, будьте уверены, что и я и все верные сыны отечества весьма довольны вашим поступком, что вы велели занимать королевство Прусское". - См.: БИЛЬБАСОВ В. А. Ук. соч., с. 333 - 334.
18. РГАДА. Там же, д. 454, л. 4, 21.
19. GStA PK. XX. XX. HA EM. Abt. 52,2 KK. Nr. 15.
20. КОРОБКОВ Н. М. Ук. соч., с. 326.